

RU

Способы и приёмы создания фантастического в книге Х. Л. Борхеса
«Сад расходящихся тропок» (1941)

Пань Хуэйин

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей функционирования фантастического в сборнике Х. Л. Борхеса «Сад расходящихся тропок» через рассмотрение средств и приёмов создания фантастического. В работе представлены жанровая конкретизация рассказов сборника, анализ нарративной стратегии, хронотопа и основных мотивов и образов. Научная новизна исследования заключается в описании механизмов создания фантастического в сборнике ранних рассказов Х. Л. Борхеса «Сад расходящихся тропок», а именно в определении, каким образом и с какой целью Борхес вводит в повествование ирреальные компоненты. В результате исследования выявлено, что использование фантастического выполняет несколько функций: сюжетообразующую, критическую, прогностическую и воспитательную. Реализация этих функций происходит на разных уровнях произведения: начиная от синтеза жанров (новелла-детектив, литературоведческое эссе – литературная мистификация), продолжая особым подходом ко времени и пространству, введением ориентальных образов и мотивов и заканчивая использованием постиронии. Фантастическое становится для Борхеса способом познать реальность: размышления над глубинными онтологическими и нравственными вопросами похожи на лабиринт мысли, где нет единственно верного ответа. Опираясь на категорию фантастического, писатель исследует сущность времени, творчества, человека и его бытия.

EN

Methods and techniques of creating the fantastic in Jorge Luis Borges's
“Garden of Forking Paths” (1941)

Huiying Pan

Abstract. The research aims to identify the features of the functioning of the fantastic in J. L. Borges's collection “The Garden of Forking Paths” by considering the means and techniques of creating the fantastic. The paper presents a genre specification of the collection's stories, an analysis of the narrative strategy, chronotope, and main motifs and images. The scientific novelty of the research lies in the description of the mechanisms for creating the fantastic in the collection of early stories by J. L. Borges “The Garden of Forking Paths”, namely, in determining how and for what purpose Borges introduces unreal components into the narrative. As a result of the research, it was revealed that the use of the fantastic performs several functions: plot-forming, critical, prognostic, and educational. The realization of these functions occurs on different levels of the work: starting from the synthesis of genres (short story – detective story, literary essay – literary mystification), continuing with a special approach to time and space, the introduction of oriental images and motifs, and ending with the use of post-irony. The fantastic becomes for Borges a way to understand reality: reflections on deep ontological and moral questions are like a labyrinth of thought, where there is no single correct answer. Relying on the category of the fantastic, the writer explores the essence of time, creativity, person, and their being.

Введение

Нельзя однозначно отметить, что стало определяющим фактором, повлиявшим на идиостиль латиноамериканского писателя Хорхе Луиса Борхеса: его энциклопедические знания и долгие годы работы в библиотеке; контекст эпохи; прогрессирующий физический недуг, который, однако, не помешал литературному творчеству. В одном литературоведы сходятся единогласно: художественный мир Борхеса – удивительная смесь реального и фантастического. Как отмечает Е. В. Беликова, «магическое у Борхеса – производное от его понимания реальности как царства духа, “сна”, “вымысла”. Это и позволяет писателю достичь предельной свободы в моделировании собственных миров, в которых всё подчиняется не объективным законам действительности, а воображению и игре ума» (2015, с. 57–58).

Борхес одним из первых зарубежных писателей отступил от «традиционного реалистического повествования» (Маслова, 2012, с. 258), используя принципы «магического реализма», где любые ирреальные, непостижимые разумом элементы не ощущаются как инородные в изображаемой автором картине мира, не требуют объяснений. Так, ключевой категорией в произведениях Борхеса становится фантастическое – форма «репрезентации странного, чуждого, экстремального (избыточного или, напротив, дефицитного), ненормального, разрушительного, неустойчивого вместо стабильного, упорядоченного и потому легко опознаваемого мира» (Головачева, 2014, с. 36). Перед нами «художник, живущий в своём собственном мире, мире, созданном исключительно фантазией и знанием (философия, литература, религия, личные размышления, источник фантазии); писатель, презирующий политику и историю, даже реальность и скептически и цинично относящийся ко всему, кроме литературы» (Льоса, 2022).

Поэтика фантастического у Борхеса не то же самое, что мир романтизма Гофмана или фантазмагии Гоголя; это удивительно пластичное средство для воспроизведения многогранности мира как он есть, как бы парадоксально это ни звучало. Как отмечают литературоведы, «искусство стремится не к правдоподобию, а к правде» (Захаров, 2016, с. 9), поэтому «фантастическое зачастую призвано подчеркнуть противоестественность обычной жизни, обнаружить несовершенство человеческого существования» (Ушакова, 2024, с. 1566).

Поиски Борхесом эффективных средств и приёмов создания фантастического заставляют его идти на эксперименты с жанровыми формами, игру с нарративными стратегиями, использование особых мотивов и введение интертекстуальности. Так рождается особая атмосфера его произведений, основной характеристикой которой можно назвать «хаосмос» – одновременное соединение порядка и беспорядка. Определение этого свойства постмодернистской литературы находим у А. П. Корякиной: «...хаосмос, не подчиняющийся иерархическому принципу (который присущ космосу), но в то же время не приходящий и к энтропии как к смерти любого смысла (что присуще чистому хаосу)» (2016, с. 10). Для создания такого многомерного мира писатели используют ризоматические концепты: «книга-лабиринт, вселенная-библиотека, вселенная-книга», призванные «подчеркнуть нелинейность всех явлений и процессов» (Корякина, 2016, с. 10). Отсюда и необычный взгляд Борхеса: образ его Вселенной «трактруется часто как бесконечное пространство вариантов, существующих параллельно, каждый – в своём континууме» (Чебоненко, 2012, с. 77-78).

Центром внимания данной статьи становится одна из ранних «программных» книг Х. Л. Борхеса – «Сад расходящихся тропок» (1941), в которой манифестируются основные средства и приёмы создания фантастического, развиваемые писателем в более поздних произведениях.

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно, во-первых, объясняет некоторые особенности постмодернистской литературы (положение автора, особый взгляд на реальность, введение постиронии); во-вторых, способствует постижению механизмов создания рассказов Борхеса: через рассмотрение формы объясняется идейное содержание, раскрываются философские вопросы, приобретающие в творчестве писателя универсальный, вневременной характер.

Для того чтобы достичь обозначенной цели, в ходе исследования были решены следующие задачи: выявить специфику жанра рассказов и избираемой автором нарративной стратегии; описать основные образы и мотивы, соотносимые с категорией фантастического; определить функционирование фантастического в рассказах сборника.

Материалом исследования послужил сборник Х. Л. Борхеса «Сад расходящихся тропок» (1941) на русском и китайском языках, а также воспоминания В. Льоса.

Теоретической базой исследования являются литературоведческие работы, которые посвящены вопросам трактовки категории фантастического (吴然 [У Жань], 2005; 兹维坦·托多罗夫 [Тодоров], 2015; Скуднякова, 2012; Головачева, 2014; Захаров, 2016; Кривоус, 2018; Ушакова, 2024); исследования в области определения ключевых свойств «магического реализма» (Маслова, 2012; 孟晓, 杨黎红 [Мэн Сяо, Ян Лихун], 2024); а также работы, раскрывающие творчество Х. Л. Борхеса в аспекте постмодернистской поэтики: приём «нелинейного письма» (张慧文 [Чжан Хуэйвэнь], 1999; Спиридонов, 2009); основные темы, образы, мотивы творчества (冉云飞 [Ран Юньфэй], 1998; 蒋承勇, 武跃速, 史永霞 и др. [Цзян Чэньюн, У Юэсу, Ши Юнся и др.], 2013; Горбатенко, 2012; Чебоненко, 2012; Бурак, 2022); создание «чудесной реальности» (唐希 [Тан Си], 2014; Беликова, 2015; Разухина, 2021); концепция «преодоления смерти» (Зеленцова, Михеичева, 2017; Назарова, 2023); интертекстуальность (Красина, Чеснокова, 2019).

В ходе исследования применялись следующие методы: структурный – для выявления взаимосвязи между сюжетно-композиционным и идейным уровнями произведения; мотивный, с помощью которого определялись ведущие мотивы, помогающие реализовать категорию фантастического.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы в качестве материалов для лекционных и практических курсов по зарубежной литературе или теории литературы («магический реализм», категория фантастического).

Обсуждение и результаты

В книгу «Сад расходящихся тропок» вошли произведения «Тлен, Укбар, Орбис Терциус», «Приближение к Альмутасиму», «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”», «В кругу развалин», «Лотерея в Вавилоне», «Анализ творчества Герберта Куэйна», «Вавилонская библиотека», «Сад расходящихся тропок». О жанровой и идейно-смысловой неоднородности сборника говорит сам Борхес (1941) в предисловии: заглавный рассказ аттестуется как детектив, «остальные рассказы написаны в жанре фантастики. Одному из них – “Лотерея в Вавилоне” –

не чужд грех символизма. <...> В рассказе “В кругу развалин” нереально всё; в “Пьере Менаре, авторе “Дон Кихота” важно то, что внушает его главный герой»; ещё два рассказа представляют собой «комментарии и примечания к воображаемым книгам».

Как можно заметить, сам автор намеренно подчёркивает «нереалистичность» сборника, его фантастическую основу. Однако любое художественное произведение – плод авторской фантазии, оно не является «слепком» действительности или её «протоколом». Фундаментальное понятие о типизации всё-таки позволяет видеть в произведениях реализма отражение жизни без искажений, в то время как магический реализм Борхеса, наоборот, даёт возможность представить иную реальность, как бы альтернативную её версию, через уникальное видение автора. «Сложная связь между реальностью и фантастикой – тема, которую Борхес любил и привык выражать в рассказах. <...> Чтобы полностью развернуть эту игру в форме рассказа, Борхес должен найти уникальный архитектурный метод, чтобы максимально раскрыть замкнутое текстовое пространство» (张慧文 [Чжан Хуэйвэнь], 1999, с. 68).

Для созидания такой модели мира в арсенале Борхеса наличествуют всё те же инструменты, что и у любого другого писателя: жанр произведения, повествовательная стратегия, композиция, время и пространство, система образов, доминантные мотивы. Каждая из этих составляющих, на наш взгляд, играет особую роль в создании поэтики фантастического в рассказах Борхеса. «Текст автора больше не представляет собой упорядоченный литературный мир, а скорее, запутанный художественный лабиринт» (蒋承勇, 武跃速, 史永霞 и др. [Цзян Чэньюн, У Юэсу, Ши Юнся и др.], 2013, с. 134). Рассмотрим это на конкретных примерах.

В первую очередь стоит отметить, что заявленные как рассказы произведения сборника требуют жанрового уточнения. Часть из них представляет собой художественное повествование, другие же – публицистическое, при «общем знаменателе» абсолютного авторского вымысла в основе. Первая разновидность рассказов тяготеет к новеллам: малое количество героев (как правило, один герой-повествователь («Вавилонская библиотека», «Лотерея в Вавилоне», «Тлён, Укбар, Обрис Терциу») либо два персонажа, со- или противопоставленных: «старец-сновидец» и его «призрачный сын» («В кругу развалин»); Ю Цун и Стивен Альбер («Сад расходящихся тропок»)); неожиданная развязка, обнаруживающая одновременное бытие и небытие описываемого предмета. Так, существуют доказательства вымышленной страны Укбар и даже «жизнеописание» вымышленной планеты Тлён; создатель призрачного человека из сновидений – сам чья-то грёза; лабиринт, который пытались отыскать в реальном пространстве, оказывается формой существования книжного романа.

Второй тип рассказов можно классифицировать как литературоведческие эссе: они представляют собой обзор творчества писателей, произведённый с разной степенью детализации разбор конкретных их произведений, с выделением художественных достоинств и недостатков. В эти эссе в большом количестве введены упоминания других исследователей, научных концепций и трудов, цитаты. Так создаётся эффект максимального правдоподобия, однако в большинстве своём данные подробности – не более чем авторская выдумка. Борхес пишет в соответствии с принципом «если этого произведения нет, то его следовало бы выдумать», демонстрируя тем самым множественность вариантов существования реальности, вводя элемент фантастического. Подобное явление – представление вымышленного как вполне реального – позволяет говорить о такой жанровой разновидности, как литературная мистификация, которая в условиях постмодернизма становится оправданной игрой с читателем.

Интересным в жанровом отношении становится первый рассказ сборника, вбирающий в себя черты художественного, публицистического и научного стилей. Всё начинается как некое приключение таинственной страны, обозначенной в единственном экземпляре загадочного издания энциклопедии. Повествование активно насыщается отсылками к научным источникам по истории и географии, а поиск становится похожим на сюжет детектива.

Удивляет степень детализации, с которой Борхес (1941) подходит к описанию вымышленной планеты Тлён: «...я держал в руках обширный, методически составленный раздел со всей историей целой неведомой планеты, с её архитектурой и распрями, со страхами её мифологии и звуками её языков, с её властителями и морями, с её минералами и птицами и рыбами, с её алгеброй и огнём, с её богословскими и метафизическими контroversиями». Перед читателем разворачивается максимально наукообразное, каталогизированное описание планеты Тлён, жизнь на которой подчинена концепции идеализма. В самых общих чертах это философское направление основывается на идее первичности духа, сознания и вторичности материи. Следовательно, Борхес намеренно как бы ставит под вопрос существование Тлёна: есть книга с описанием, но нет свидетельств того, что кто-то видел планету; вполне возможно, что это результат работы коллективного сознания. Подчёркивая фантастичность положения вещей (по меркам жителей Земли) на планете Тлён, Борхес (1941) ювелирно вводит постиронию: «Многие века идеализма не преминули повлиять на реальность. В самых древних областях Тлёна нередки случаи удвоения потерянных предметов. Два человека ищут карандаш; первый находит и ничего не говорит; второй находит другой карандаш, не менее реальный, но более соответствующий его ожиданиям. Эти вторичные предметы называются “хренир”, и они хотя несколько менее изящны, зато более удобны. Ещё до недавних пор “хрениры” были случайными порождениями рассеянности и забывчивости».

Для создания фантастического пласта Борхес использует потенциал избираемой точки зрения повествования. Особенно ярко это получается в рассказах, определённых нами как публицистические эссе: «Приближение к Альмутасиму», «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”», «Анализ творчества Герберта Куэйна». На первый взгляд, повествование, ведущееся как бы «от лица автора», представляет собой аналитическую работу его сознания. Избранные же объекты анализа – роман адвоката Мира Бахадура Али из Бомбея; новый, но не второй такой же, роман «Дон Кихот», созданный в современности Пьером Менаром («Его дерзновенный замысел состоял

в том, чтобы создать несколько страниц, которые бы совпадали – слово в слово и строка в строку – с написанными Мигелем де Сервантесом» (Борхес, 1941)); и в целом творчество Герберта Куэйна – представляют собой абсолютную фантазию самого писателя Борхеса. Искусственно придумываются элементы биографии авторов, их письма Борхесу, истории создания и сами произведения, даются даже сноски на критиков и цитаты их литературоведческих статей. В итоге получается некое вторичное, производное повествование, которое вполне созвучно постмодернистской концепции «смерти автора»: произведение существует вне зависимости от его создателя. Так в указанных рассказах рождается метаобраз лабиринта, ветвления реальности: авторы и их произведения, с одной стороны, существуют, а с другой – нет, всё зависит от интерпретации читателя. Избираемая Борхесом нарративная стратегия, где сливаются точки зрения сценариста Борхеса, автора-эссеиста, литературоведа-друга одного из вымышленных авторов, позволяет воспринимать заложенное в рассказы в фантастическом аспекте.

Наиболее очевидными с точки зрения фантастического видятся миры, творимые в рассказах. Хронотоп, как важное единство места и времени, особенно концептуален в рассказах «Лотерея в Вавилоне» и «Вавилонская библиотека» – неслучайно в заглавие вынесен топоним. Вечный, как Рим, город, древнейший мегаполис, чьё название – и образ, и символ, и мифологема, является в представлениях Борхеса одновременно и отправной точкой, и центром всего мира, и его моделью.

В указанных рассказах изображаются две формы устройства общества: господствующая над всеми жизнями лотерея и бесконечная библиотека. Можем предположить, на первый взгляд, некую контрастность этих моделей: лотерея предполагает случайный выбор, жеребьёвку, полную непричастность простого смертного к выбору – и каталогизированность, строгая упорядоченность организации библиотеки. В первом случае «весь Вавилон – не что иное, как бесконечная игра случайностей» (Борхес, 1941), во втором – «Вселенная – некоторые называют её Библиотекой – состоит из огромного, возможно, бесконечного числа шестигранных галерей, с широкими вентиляционными колодцами, ограждёнными невысокими перилами. Из каждого шестигранника видно два верхних и два нижних этажа – до бесконечности» (Борхес, 1941).

Однако оказывается, что у лотереи всё более расширяются полномочия: из игры она становится способом управления, средством манипуляции некоей Компанией, деятельность которой сродни божественной, и не так уж случайны оказываются некоторые случайности: «...иногда один и тот же факт – убийство в кабаке некоего А, таинственное возвышение некоего Б – был остроумным соединением тридцати или сорока жребиев. Подобное комбинирование – дело нелёгкое, но надо напомнить, что члены Компании были (и продолжают быть) всемогущи и хитроумны» (Борхес, 1941).

Точно так же несовершенна и библиотека. С одной стороны, в ней заключена Вселенная, т. е. можно отыскать и прочесть книги обо всём на свете: «подробнейшую историю будущего, автобиографии архангелов, верный каталог Библиотеки, тысячи и тысячи фальшивых каталогов, доказательство фальшивости верного каталога, гностическое Евангелие Василида, комментарий к этому Евангелию, комментарий к комментарию этого Евангелия, правдивый рассказ о твоей собственной смерти, перевод каждой книги на все языки, интерполяции каждой книги во все книги, трактат, который мог бы быть написан (но не был) Бэдой по мифологии саксов, пропавшие труды Тацита» (Борхес, 1941). Но, с другой стороны, изящная авторская ирония подчёркивает абсурдность этого содержимого. Мало того, в библиотеке существуют и вовсе бесполезные книги, содержащие всего три буквы в разных вариациях, и это не тайный язык, диалект или шифр. Недоказуемая бесконечность, лишь на первый взгляд упорядоченная, а следовательно – непознаваемая, доходящая до абсурдности существования – главные принципы построения Библиотеки.

По Борхесу, трагедийное и одновременно обнадёживающее начало человеческого бытия состоит именно в таком восприятии мира: он бесконечен, случаен, множественен и не поддаётся полному и объёмлющему познанию ни во времени, ни в пространстве. Поэтому и высока степень «додумывания», которое обеспечивает сочетание реального и ирреального, обеспечивает проникновение фантастического в обыденное.

Особенно хочется отметить, что эти два рассказа не содержат фабулы; смысловой акцент выставляется на описательной составляющей: на устройстве модели мира, её свойствах, функционировании. По задумке писателя, событийная составляющая значения не имеет: никаких действующих лиц (только «всезнающий» повествователь), никаких событий. Производится эффект творимого здесь и сейчас времени и пространства, которые рождаются благодаря бесконечному лабиринту мыслей автора, становящегося в этом положении демиургом.

Во многом категория фантастического складывается из ориентальных образов и мотивов. Религиозные представления о реинкарнации, о многоликости, философское осмысление человека как песчинки в руках Бога, интуитивизм и спиритуальность – основные черты философии Востока, созвучные идейному наполнению сборника «Сад расходящихся тропок». Именно эти мотивы помогают воплотить образ нелинейного мира. Так, в рассказе «Приближение к Альмутасиму» перед читателем предстаёт писатель из Индии, а сюжет его романа выстраивается вокруг «ненасытных поисков души по слабым отблескам, которые она оставила в других душах» – главной идеи перерождения. Герой романа, студент, совершает убийство, а в конце романа, пройдя множество испытаний, как будто обретает надежду на искупление и прощение – есть догадка, что убитый на самом деле жив. В рассказе «Сад расходящихся тропок» бесчисленное количество возможных реальностей выстраивается вокруг Ю Цуна, шпиона-китайца, работающего в разведке Германии, и учёного-синаиста Стивена Альбера, который проливает свет и на главное творение предка Ю Цуна – его величайший роман, и на само понятие времени. Оно нелинейно, делится на бесконечное количество вариантов будущих, как ментальный лабиринт, метафорой которого является роман Цюй Пэна (на первый взгляд кажущийся набором хаотичных отрывков), предка Ю Цуна. С одной стороны, главный герой, следуя долгу и присяге,

выполняет задание и убивает человека; но, с другой стороны, открытие тайны времени-лабиринта даёт надежду, что в другой реальности герои не враги и убийство совершать не нужно – там нет ни преступления, ни наказания. В творчестве Борхеса «вопрос о смерти тесно связан с вопросом о том, что есть истинное бытие; ведь если жизнь является лишь одним из отражений некой идеи, которая также может быть или не быть одним из отражений, то тогда и смерть – не более, чем иллюзия» (Назарова, 2023, с. 10). Мотивы веры в «поправимость» реальности, в искупление и прощение становятся философской основой указанных рассказов.

Наполнен восточным колоритом и новеллистический рассказ «В кругу развалин». В нём нет конкретных указаний на время и место действия, однако упоминаемые детали мелкими штрихами вырисовывают доказательств именно восточного происхождения истории: бамбуковый челнок; рис, возделываемый земледельцами; полуразрушенная каменная фигура тигра или коня возле развалин древнего храма. Восточный колорит становится фоном для фантастической истории, основанной на мотивах сна, Бога-творца и сына-творения, божественной силы стихий (в частности, Огня), невозможности превосходства над высшей силой. Эти образы и мотивы формулируют один из идейных центров рассказа – иллюзорность бытия, неотделимость реального от ирреального, следовательно – нерасчлённость жизни и смерти; вопрос извечный и неразрешимый однозначно, предполагающий множественность ответов.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Сборник Х. Л. Борхеса «Сад расходящихся тропок» посвящён осмыслению извечных философских категорий: бытие и небытие человека, судьба и Бог, случайность и закономерность, прошлое – настоящее – будущее, создатель и его творение, познаваемое и непостижимое, истина и вымысел, жизнь и смерть. Основное свойство художественного мира сборника заключается во введении фантастического, смысл которого на разных уровнях позволяет заострить внимание на идейном содержании каждого рассказа.

Выявление специфики жанров рассказов и избираемой автором нарративной стратегии позволило заключить, что смешение жанров (публицистическое эссе, детективная новелла, литературная мистификация), различных стилей, форм повествования позволяет усилить метафору «мир есть бесконечный лабиринт», а человек в нём – производная от чьей-то воли, от случайности или «поворота налево». В такой Вселенной всё возможно – а повлиять на это возможностей нет, подобное положение дел одновременно и трагично, и обнадеживает: вдруг гигантская лотерея жизни подарит счастливый билет.

Описанные основные образы и мотивы, соотносимые с категорией фантастического, демонстрируют приращенность Борхеса к философии Востока, его интерес к религиозным течениям Индии и Китая. Связь человека с природными стихиями, перерождение в ином облике, тесная связь с духами предков, кармические уроки – те духовно-нравственные ориентиры, на базе которых возможна реализация основной идеи Борхеса. Эта идея и вынесена в заглавие всего сборника – «Сад расходящихся тропок». Это и жизненный путь каждого из нас, и модель всего человеческого сообщества, где существует множественность выборов, и в одной реальности мы – боги, а в другой – убийцы.

Таким образом, использование фантастического в рассказах сборника выполняет следующие функции: сюжетообразующую, критическую (особенно при введении авторской иронии и постиронии), прогностическую и воспитательную (имплицитно, но вопрос о добре и зле, особенно о возмездии, в сборнике звучит).

Перспективой дальнейшего исследования может стать изучение других прозаических произведений Х. Л. Борхеса (например, сборник «Вымышленные истории») в указанном в работе аспекте.

Материалы исследования | Research materials

1. Борхес Х. Л. Сад расходящихся тропок / пер. В. Андреева. 1941. <https://litmir.club/br/?b=204500>
2. 博尔赫斯. 小径分岔的花园. 王永年, 译. 上海: 上海译文出版社, 2017 (Борхес Х. Л. Сад расходящихся тропок / пер. Ван Юннэя. Шанхай: Shanghai Translation Publishing House, 2017).
3. 巴尔加斯·略萨. 略萨谈博尔赫斯: 与博尔赫斯在一起的半个世纪. 侯健, 译. 北京: 人民文学出版社, 2022 (Льоса В. Льоса о Борхесе: полвека с Борхесом / пер. Хоу Цзяня. Пекин: Народная литература, 2022).

Источники | References

1. Беликова Е. В. Метафизика «Чудесной реальности» Х. Л. Борхеса // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 2 (20).
2. Бурак М. С. Время и Сознание в некоторых произведениях Х. Л. Борхеса в языковом и культурологическом аспектах // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30).
3. Головачева И. В. О соотношении фантастики и фантастического // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2014. № 1.
4. Горбатенко В. П. Одержимость полётом (этот загадочный Хорхе Луис Борхес) // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4.
5. Захаров В. Н. Фантастическое: аксиомы, парадоксы, проблемы // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 4.

6. Зеленцова С. В., Михеичева Е. А. Преодоление смерти: литературный эксперимент Л. Н. Андреева и Х. Л. Борхеса // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. Т. 215.
7. Корякина А. П. Проблема подлинности в контексте философии постмодернизма: ветвление подлинного в хаосмосе // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 8.
8. Красина Е. А., Чеснокова О. С. «Сюжет» Х. Л. Борхеса: опыт интертекстуального прочтения // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57.
9. Кривоус Т. В. Понятие «фантастическое» как объект научной рефлексии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-2 (85).
10. Маслова Е. Г. Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. № 10.
11. Назарова Ю. В. Этические основания философии смерти Х. Л. Борхеса // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2023. № 4 (48).
12. Разукина К. Э. Имагинативная реальность героя и читателя в свете фантастического (на материале новеллы Х. Л. Борхеса «В кругу развалин») // Трансформация реальности: стратегии и практики: 5-й молодёжный конвент УрФУ: материалы международной конференции (г. Екатеринбург, 25-27 марта 2021 года). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021.
13. Скуднякова Е. В. Фантастическое как категория поэтики литературного произведения: разнообразие трактовок // Человек. Общество. Инклюзия. 2012. № 3.
14. Спиридонов Д. В. Х. Л. Борхес, У. Эко и две модели повествования (к вопросу о генезисе «Нелинейного письма» в европейской литературе) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 3.
15. Ушакова А. Н. Интерпретация категории фантастического в малой прозе Дино Буццати // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 5. <https://doi.org/10.30853/phil20240226>
16. Чебоненко О. С. Тема лабиринта в произведениях В. О. Пелевина и Х. Л. Борхеса // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 3.
17. 孟晓, 杨黎红. 论博尔赫斯幻想小说的想象建构 // 湖南科技大学学报 (社会科学版). 2024. 27 (04) (Мэн Сяо, Ян Лихун. О творческом построении фантастических романов Борхеса // Журнал Хунаньского университета науки и технологий (издание по социальным наукам). 2024. Т. 27. № 4).
18. 冉云飞. 陷阱里的先锋: 博尔赫斯. 成都: 四川人民出版社, 1998 (Ран Юньфэй. Пионер в ловушке: Борхес. Чэнду: Сычуаньское народное издательство, 1998).
19. 唐希. 用想象构建似真似幻的世界 —— 《小径分岔的花园》不确定性创作倾向分析 // 语文建设. 2014. (23) (Тан Си. Использование воображения для создания мира, который кажется реальным и иллюзорным: анализ творческой тенденции неопределенности в «Саду расходящихся тропок» // Language Construction. 2014. № 23).
20. 兹维坦·托多罗夫. 奇幻文学导论 / 方芳, 译. 成都: 四川大学出版, 2015 (Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. Фан Фан. Чэнду: Издательство Сычуаньского университета, 2015).
21. 吴然. 幻想之美. 昆明: 云南人民出版社, 2005 (У Жань. Красота фантазии. Куньмин: Юньнаньское народное издательство, 2005).
22. 蒋承勇, 武跃速, 史永霞, 王一平, 高毛华, 马翔. 20世纪西方文学主题研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2013 (Цзян Чэньюн, У Юэсу, Ши Юнся, Ван Ипин, Гао Маохуа, Ма Сян. Исследования тем западной литературы XX века. Пекин: China Social Sciences Press, 2013).
23. 张慧文. “迷宫”与“梦话”: 从《小径分岔的花园》看博尔赫斯的小说诗学观 // 国外文学. 1999. (02) (Чжан Хуэйвэнь. «Лабиринт» и «Разговор во сне»: взгляд Борхеса на поэтику романа из «Сада расходящихся тропок» // Иностранная литература. 1999. № 2).

Информация об авторах | Author information

Пань Хуэйин¹

¹ Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика;
Цицикарский университет, Китайская Народная Республика

Huiying Pan¹

¹ Heilongjiang University, Harbin, The People's Republic of China;
Qiqihar University, The People's Republic of China

¹ 879931355@qq.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.07.2025; опубликовано online (published online): 25.07.2025.

Ключевые слова (keywords): сборник «Сад расходящихся тропок» Х. Л. Борхеса; жанровая конкретизация рассказов; нарративная стратегия; механизмы создания фантастического; J. L. Borges's collection "The Garden of Forking Paths"; genre specification of stories; narrative strategy; mechanisms for creating the fantastic.